

Прощаться очень тяжело. А так тяжело, как сегодня, не было никогда за все мои пятьсот восемьдесят девять лет жизни. Я остался невредимым в бесчисленных войнах, меня не смогли доконать никакие природные катаклизмы, разрушительные пожары были мне нипочём, я выжил даже после бесконечных покушений коварного Ван Хельсинга. Но вот переживу ли в добром здравии предстоящие дни — большой вопрос. И как же я справлюсь без неё? А вдруг поможет последний умоляющий взгляд моих налитых кровью глаз?

Не уезжай, Селена! Ты же нужна мне! Без тебя я пропал!

«Ах, зайка, не смотри на меня так! — говорит она. — Можно подумать, грядёт конец света. Ведь я уезжаю всего на два дня».

Всего на два. Это не просто *всего* два дня. Обычно для меня не проблема побыть два дня без неё. В любые другие два дня я бы всё время бездельничал, слушая на полной громкости очень старые пластинки, или пересматривая любимые фильмы, или вёдрами поглощая мороженое из красных апельсинов,

пока не поплохеет. Но всем этим в ближайшие два дня, к сожалению, не займёшься. Потому что я хоть и остаюсь без моей дражайшей жены Селены, но не один. Потому что здесь *они*. На целых два дня. Без перерыва. Я по-прежнему в толк не возьму: за что она со мной так?! Почему так запросто отдаёт меня этим... этим монстрам?!

— Хи-хи, — хихикает Гема. — Думаю, дети, бабушка вас боится.

Ну, супер! Теперь ещё и собственная дочь наносит удар в спину. Но вообще-то удивляться тут нечему, в конце концов она эту кашу и заварила. Ей непременно понадобилось подарить матери на четырёхсотлетие абонемент выходного дня в велнесс-центр в Париже с пребыванием в дневные часы в катакомбах. Не спросив у меня! А я должен всё это время присматривать за тремя сорванцами. И просто запретить их в подвале я не могу. Это, как говорит Гема, не педагогично.

— Это правда, бабушка? — глядя на меня своими глазами, спрашивает Глобина, младшенькая. — Ты нас боишься?

— Не боится, — говорит Вируся, её сестра. — Бабушка вообще ничего не боится. Кроме солнечного света.

— И слишком большой ответственности, — добавляет Селена. — Да, зайка? Ты ведь беспокоишься только потому, что ещё ни разу не оставался один с тремя детьми.

Нет. Всё ещё хуже. Я ещё никогда не оставался наедине даже с одним ребёнком. Обо всём всегда заботилась Селена. Я не

имею ни малейшего представления о детях. Не знаю, как их кормить. И чем. И когда и как долго им полагается чистить зубы. И отправляться спать. Всё, что я знаю, это что в течение дня им ни в коем случае нельзя выходить из дома. Но что будет, если я выпущу кого-то из поля зрения? Или всех троих? Ведь дети вечно творят какие-нибудь глупости и не слушаются взрослых. Что, если они чисто из жажды приключений откроют какую-нибудь дверь на улицу? Тогда их мать, вернувшись, сможет прижать к груди лишь горстку пепла. А виноват буду я. *Вот этого я действительно боюсь.*

— Ну, — говорю я, — а что, если я на минутку отвлекусь и они умрут?

— Ах, мышонок, всё это мы уже проходили, — Селена берёт чемодан. — Ну что может случиться? Мы — вампиры. Нас так просто не убьёшь. Тебе нужно только вовремя, до восхода солнца, уложить их спать. Я в детских склепиках уже всё подготовила. По всему дому расставлены будильники, которые тебе об этом напомнят. А в холодильнике еды на целую неделю, так что с голоду вы тоже не умрёте.

— И тем не менее, — вздыхаю я. — Почему бы за ними не присмотреть Кэссиди?

Справедливый вопрос, разве нет? У отцов обязанностей больше, чем у дедушек. Вообще-то у дедушек обязанностей нет вовсе, в этом-то и прелесть роли дедушки. Но, к сожалению, только не в том случае, когда мать в Париже, а отец неизвестно где. А Геме к тому же приспичило влюбиться в вампира-ак-

тивиста, который постоянно мотается по свету, борясь за дальнейшее существование нашего вида.

— Папа у макаронцев, — говорит Глобиночка. — Он их там съест.

— Не «съест», а проводит «съезд», — поправляет её Вируся.

— И не у макаронцев, а у марокканцев, золотце, — прибавляет Гема и оборачивается ко мне: — В Марокко проходит конгресс вампирского сообщества на тему «Эффективные способы защиты от солнечного света». Но об этом я тебе рассказывала по телефону ещё на прошлой неделе, папа.

Рассказывала? Не припоминаю. В последнее время со мной такое частенько случается. Позапрошлой ночью я впервые за несколько недель решил размять свои дряхлые крылья, немного покружив над горами, и начисто забыл надеть брюки. По счастью, никто меня не видел!

— Твой отец в последнее время слегка забывчив, — говорит Селена. — Так ведь он потихоньку приближается к шестистам.

— Вовсе и не приближаюсь, — возражаю я. — До этого ещё одиннадцать лет. И я ещё в такой же хорошей форме, как и в двести. Как минимум.

— Ну, тогда ты играючи справишься с тем, чтобы два дня присмотреть за тремя детьми, — подмигивает мне Селена.

— К тому же Резус тебе поможет, — говорит Гема. — Он ведь уже большой мальчик. Правда, Резус?

Мой внук не отвечает — к нашему разговору он и не прислушивался. Потому что постоянно таращится в экран своего мобильного и что-то там лихорадочно печатает.

— Резус? — упорствует его мать. — Ты меня слышал? Ты сможешь дедушке присматривать за сёстрами. Мы друг друга поняли?

— Ха-ха, хорошо сказано, мама! — смеётся Вируся. — Обалдуй сможет присмотреть за нами, разве что если мы появимся у него в игре! И даже тогда он наверняка по ошибке нас прикончит!

— Сама обалдуйка, — откликается Резус, не поднимая глаз от мобильного. — Здесь вообще есть беспроводной интернет? Мне необходимо скачать побольше серебряных пуль, иначе этих тупых оборотней никогда полностью не истребить.

— А почему оборотни тупые? — любопытствует Глобиночка. — Они в школе плохо учились?

— Понятия не имею, — бурчит Резус. — Они — наши враги, а враги всегда тупые. Поэтому я всех их пристреливаю.

— Не мог бы ты на минуточку перестать играть в эту дурацкую игру? — раздражённо стонет Гема. — Если будешь продолжать в том же духе, сам отупеешь. Давай, сию минуту!

— Но, мама, я же вот-вот перейду на следующий уровень! — протестует Резус.

— Я сказала — сию минуту! — ворчит Гема. — Продолжишь позже. Но только если дедушка разрешит. А дедушка не большой фанат этих дел. Так что давай, убирай эту штуквину!

— Ладно-ладно, всё, — недовольно бурчит Резус, запихивая мобильник в карман брюк.

— Очень хорошо, — говорит Гема. — А теперь, мои сладкие летучие мышата, обнимите меня на прощание покрепче.

Бросившись маме на шею, девочки целуют её в щёки, Резусу Гема вынуждена немного помочь, притянув к себе.

— Будьте умницами, — говорит она. — Всего два раза поспите, и я вернусь.

— Вот-вот, — усмехается Селена, обнимая и меня. — Всего два раза поспишь, мой зайка, и я вернусь.

— Очень остроумно, — ворчу я.

— Ты это переживёшь, — целуя меня, говорит она. — И дети тоже.

Да, очевидно, переживём. Вот только не знаю как.

Мы с детьми провожаем Гему с Селеной на улицу и машем им вслед, пока они не скрываются из виду в ночном небе. И я остаюсь с внуками один.

— Ну, чем теперь займёмся? — спрашиваю я. — Вы вечером уже позавтракали?

— Да, — отвечает Вируся. — Мама сделала нам в дорогу бутерброды с кровяной колбасой.

— Но я хочу есть, — говорит Глобиночка. — Можно мне леденец на палочке?

— Так ведь леденцом сыт не будешь, — усмехаюсь я. — Леденцы — это только так, полакомиться.

— Тогда я хочу только так, полакомиться, — Глобиночка смотрит на меня широко вытаращенными глазами. — Леденец!

— Сейчас получишь, — говорю я. — Ты какой формы больше любишь? Череп? Глаз? Или, может, косточка?

— Глаз! — отвечает Глобиночка. — Круглые леденцы вкуснее всего.

— Точно! — киваю я. — Это и мои самые любимые. Ещё кто-нибудь хочет леденец?

— Мне, пожалуйста, в форме черепа, — говорит Вируся.

— Резус? — спрашиваю я старшего.

— Что? Э-э-э... да, хочу, — рассеянно бормочет он. — Череп, пожалуйста.

— Значит, для вас два черепа и один глаз. И один череп для меня, — заключаю я. — Теперь только нужно выяснить, куда бабушка запрятала леденцы. Она не хочет, чтобы я слишком много лакомился и чтобы у меня уровень сахара зашкаливал. А ещё мне не стоит забывать о своём полётном весе. Можно подумать, леденец такой тяжёлый! Но не волнуйтесь, я знаю почти все её тайники. Встретимся в библиотеке. Дорогу помните?

— Да, — говорит Вируся. — Это моё любимое место в замке. Там так много классных книг.

— А я ещё не умею читать, — вздыхает Глобиночка.

— Ничего, — говорит Вируся, — я же могу почитать тебе что-нибудь вслух.

— Ура! — ликует Глобиночка. — Люблю, когда мне читают!

— Знаю, — улыбается Вируся.

— Резус, пойдй, пожалуйста, с сёстрами, — говорю я. — Мне бы хотелось, чтобы вы держались вместе. Замок такой большой, я и сам тут иногда теряюсь.

— Ладно, — говорит Резус и идёт, не поднимая глаз от мобильного.

Дойдя до лестничной площадки, он спотыкается о первую ступеньку и едва успевает ухватиться за перила, чтобы не упасть.

— Проклятие! — злится он. — Теперь этот тупой оборотень от меня ускользнул!

Я отправляюсь в дальний путь вниз на кухню. Селена права, говоря, что этот замок вообще-то слишком большой для нас. И слишком старый. И слишком дорого обходится. Одно лишь отопление зимой стоит таких денег, что Селене в прошлом году пришлось устроиться на работу в курьерскую службу — летать, доставляя по ночам срочные посылки. При этом мы пользуемся только западным крылом, после того как в восточном во время чаепития над нашими головами обрушилась крыша. По счастью, это случилось перед самым восходом солнца — ещё пять минут, и мы оба сгорели бы дотла.

Было бы очень разумно продать замок, но у меня пока руки не поднимаются, слишком уж я привязан к этой старой громадине.

Добравшись до кухни, я систематически обыскиваю все обычные тайники, куда Селена прячет сладости, и наконец

